

А. Л. НОСОВИЧ**Из книги «Красный Царицын»****СТАЛИН**

В Царицын я прибыл в конце мая месяца нового стиля с секретной миссией, о которой сейчас не время говорить, но благодаря которой я имел возможность проникнуть во все тайники царицынского управления и мог не только наблюдать всю жизнь «красного» Царицына, но и сам мог влиять в желательную для нас сторону. По моем приезде в Царицын первыми фигурами, с которыми мне пришлось встретиться, были: Сергей Константинович Минин и Яков Зиновьевич Ерман.

С. К. Минин — сын протоиерея посада Дубовки, местный деятель. В 1905 году отец его громил революционеров с амвона, а сын громил власти и своего отца на площади против церкви. В 1905 году победил отец — теперь взял верх сын. Но, взявши верх, сын не остановился, и покатился далее по наклонной плоскости революции и стал ярым большевиком».

Я. З. Ерман — не абориген Царицына — был вольноопределяющимся в царицынском запасном полку, остался в Царицыне, выдвинулся на митингах и занял видный пост в совдепе Царицына. Ерман был ярим большевиком, и если Митин, как местный старожил, еще имел некоторый сдерживающий импульс в виде остатков своих местных связей, то Ерман, ничем не сдерживаемый, свирепствовал.

Мой приезд совпал с большими переменами в местной жизни. Из Москвы прислали новых лиц, новое управление всем Кавказом, а вместе с тем и Царицынским уездом. Такое положение вещей чрезвычайно не понравилось местным вождям на главе с Мининым и Ерманом, но необходимость получать денежные знаки и военные припасы заставила их видимо примириться с новыми хозяевами. Примирившись, они начали вести глубокую интригу против присланных из центра белогвардейцев, причислив к их числу не только всех вольнонаемных бывших офицеров или чиновников, но даже и комиссаров.

Помню, на первом же заседании объединенного управления округа с представителями от города, Минин гордо произнес речь, в которой резко подчеркнул:

— Мы — представители «красного» Царицына, с гордостью говорили, что во все трудные минуты нашего революционного города, нашего «красного» Царицына, мы никогда не опускали нашего революционного знамени и никогда не будем идти на помочах центра. Мы нуждаемся в Москве постольку, поскольку и она нуждается в нас. Помощь ее нам нужна и необходима, но пусть она не думает, что за эту помощь мы пойдем в рабство. Власть на местах — вот наш главный и руководящий принцип. В те трудные времена, когда генерал Каледин послал на нас свои полчища, «красный» Царицын сумел отстоять себя; он, я уверен, сумеет отстоять свою независимость и от всяких других поползновений.

До половины июня жизнь была сносна и цены, а также обилие продуктов не заставляло жаловаться на судьбу. Но приезд народного комиссара по продовольствию Сталина-Джугашвили¹, начавшего производить всевозможного рода реквизиции, поднял не только цены, привел к исчезновению товаров, но и усложнил политическую жизнь города.

Сталин не стесняется в выборе путей для достижения своих целей. Хитрый, умный, образованный и чрезвычайно изворотливый, он — злой гений Царицына и его обитателей. Всевозможные реквизиции, выселения из квартир, обыски, сопровождающиеся беззастенчивым грабежом, аресты и прочие насилия над мирными гражданами стали обычным явлением в жизни Царицына.

Главное назначение Сталина было снабжение продовольствием северных губерний, и для выполнения этой задачи он обладал неограниченными полномочиями и таким же кредитом. Кроме того, положение Сталина в рядах так называемых народных комиссаров, весьма почетно, и он пользуется в «совнарком» большим весом. Все это, вместе взятое, позволило Сталину при его появлении в Царицыне сразу стать персоной, с которой вынуждены были считаться все: как местные власти, так и военный комиссариат кавказского округа, т. е. главным

¹ Примеч. редакции журнала «Донская волна»: Сталин-Джугашвили в системе народных комиссаров — фигура крупная. Это можно заключить из того, что делегация от третьего круга, ездившая в декабре 1917 г. в Петроград, была принята не Лениным, а Сталиным, облеченным для беседы всеми полномочиями. Назначение Сталина в Царицын свидетельствует о том, какое значение придает красная Москва Царицыну.

образом его комиссары латыш Зедин и казак Урюпинской станции Селиванов, а после заменивший его Анисимов, находящийся ныне в такой же должности в Астрахани. Сталин сразу поставил себя как бы в стороне от внутренних и оперативных дел Северного Кавказа, но на самом деле все комиссары, как округа, так и города не предпринимали ни одного решения без одобрения этого важного наркома.

Немедленно после его приезда началась мобилизация буржуев на окопные работы в окрестностях города. Мобилизация проводилась с большими несправедливостями. Все уважаемые люди города быки взяты на работы. Жизнь в городе стала пыткой.

Между тем к концу июля положение Царицына и южных большевистских армий стало очень тяжелым.

Линия Грязи—Царицын оказалась окончательно перерезанной. На севере осталась лишь одна возможность получать припасы и поддерживать связь — это Волга. На юге, после занятия добровольцами Тихорецкой, положение стало тоже весьма шатким. А для Сталина, черпающего свои запасы исключительно из Ставропольской губернии, такое положение граничило с окончанием его миссии на юге. Но не в правилах, очевидно, такого человека, как Сталин, уходить от раз начатого им дела. Надо отдать справедливость ему, что его энергии может позавидовать любой, из старых администраторов, а способности применяться к делу и обстоятельствам следовало бы поучиться многим.

Постепенно, по мере того как он оставался без дела, вернее, попутно с уменьшением его прямой задачи, Сталин начал входить во все отделы управления городом, а главным образом в широкие задачи обороны Царицына, в частности, и всего кавказского, так называемого революционного фронта вообще.

Сталин, благодаря своему положению, конечно, имел много преимуществ против присланного от центра же военного комиссариата и штаба округа, а потому борьба его и этих учреждений не предвещала для последних ничего хорошего. Но тем не менее борьба началась.

К этому времени в Царицыне вообще атмосфера сгустилась. Царицынская чрезвычайка работала полным темпом. Не проходило дня без того, чтобы в самых, казалось, надежных и потайных местах не открывались бы различные заговоры настоящие или мнимые. Все тюрьмы города переполнялись.

Борьба на фронте достигла крайнего напряжения, а вместе с этим крайнего напряжения достигло и недоверие местных вождей к управлению краем, присланному из центра.

Главным двигателем и главным вершителем всего с 20 июля н. ст. оказался Сталин. Простой разговор по прямому проводу с Троцким о неудобстве и несоответствии для дела настоящего устройства управления краем привел к тому, что по прямому проводу же Троцкий отдал приказ, которым Сталин ставился во главе всего военного, а в конце концов захватным путем он стал и во главе всего гражданского управления.

Итак, с 20 июля Царицын, а вместе с ним и весь Северный Кавказ перешел в ведение ничем не ограниченного сатрапа Сталина-Джугашвили.

К этому времени и местная контрреволюционная организация, стоящая на платформе Учредительного Собрания, значительно окрепла и, получив из Москвы деньги, готовилась к активному выступлению для помощи донским казакам в деле освобождения Царицына.

К большому сожалению, прибывший из Москвы глава этой организации, инженер Алексеев и его два сына, были мало знакомы с настоящей обстановкой, и, благодаря неправильно составленному плану, основанному на привлечении в ряды активно выступающих сербского батальона, быстро оказалась раскрытой. Многие из знающих настроение этих сербских выходцев предупреждали Алексеева о ненадежности данного элемента.

Но Алексеев не послушался, попался в руки ловкого шпиона, в лице помощника коменданта города, который прикинулся контрреволюционно настроенным, заслужил доверие и выдал всех, а также выдал место, где были спрятаны деньги организации в количестве 9 миллионов.

Резолюция Сталина была короткая: расстрелять. Инженер Алексеев, его два сына, а вместе с ними значительное количество офицеров, которые частью состояли в организации, а частью лишь по подозрению в соучастии в ней, были схвачены чрезвычайкой и немедленно без всякого суда расстреляны.

Незадолго до раскрытия этого заговора Сталин совершенно покончил с военным комиссариатом и штабом округа. 5 августа по его приказанию все артиллерийское управление со всеми

письмоводителями и самыми мелкими служащими было арестовано и заключено первоначально под стражу при чрезвычайке, а некоторое время спустя было посажено на баржу, которую поместили на середине Волги. В то же самое время по его приказу управление штаба северо-кавказского округа ликвидировалось, а 10 августа все ответственные чины штаба тоже были арестованы и заключены под стражу. Причины ареста были те же: подозрения в контрреволюционной работе. Начался форменный разгром всех учреждений, присланных из центра.

Характерной особенностью этого разгона было отношение Сталина к руководящим телеграммам из центра. Когда Троцкий, обеспокоенный разрушением с таким трудом налаженного им управления округом, прислал телеграмму о необходимости оставить штаб и комиссариат на прежних условиях и дать им возможность работать, то Сталин сделал категорическую и многозначущую надпись на телеграмме:

— Не принимать во внимание.

Так эту телеграмму и не приняли во внимание, а все артиллерийское и часть штабного управления продолжает сидеть на барже в Царицыне.

Открытие заговора инженера Алексеева произошло в ночь с 13 на 14 августа н. ст. В это время казаки подошли к Царицыну почти вплотную. В самом Царицыне господствовало угнетенное настроение.

В среде рабочих, особенно лесных пристаней, так называемого «грузолеса», и французского завода господствовало противобольшевистское настроение.

Царицын, казалось, был накануне своего падения.

Но обстановка и стечение случайностей были на стороне большевиков. Отчасти причиной к этому послужило и открытие заговора Алексеева. Прежде всего, это раскрытие в корне пресекло всякую возможность активной помощи казаков и разбило не только указанную организацию, но и всякие другие попытки к таковым. А главным образом дало Сталину в руки мотив, при помощи которого он сумел уговорить рабочих стать под ружье.

Сталин в своих уговорах рабочих опирался на то, что буржуазия, при помощи вышеуказанных заговоров, вновь хочет взять верх.

Главным образом поднялись рабочие «Грузолеса» и выставили значительные силы против казаков.

Кроме того, это раскрытие самым сильным образом отозвалось на местной «буржуазии». Самые видные лица из местного купечества и аристократии тоже попали на баржу в условия, в которых едва ли когда-либо и где-либо содержались самые закоренелые преступники. Между прочим, в число этих заложников были взяты местные купцы братья Репниковы, очень популярные в городе благодаря своему либерализму. Популярность Репниковых была столь велика, что когда разнесся слух, что старший брат Репников умер на барже, то с настроением даже столь подавленного террором города пришлось посчитаться и смягчить положение младшего Репникова.

На случай взятия города казаками баржи с заложниками и арестованным офицерством были приготовлены к взрыву и потоплению.

Настроение в городе было настолько подавленное, что никто не смел говорить о положении вещей. Всюду были сыщики и шпионы, так называемые в совдепии «осведомители». Попасть на баржу стало самым легким делом, но выбраться из нее можно было лишь на дно Волги-матушки. В это же самое время на баржу попал и французский консул г. Шарбо, по обвинению в сношении с контрреволюционерами и содействии им. Американский консул и сербский полковник Христич, член военной миссии, кажется, спаслись от баржи поспешным бегством.

Вот как начал расправляться Сталин с тем элементом, который казался ему подозрительным.

Положение и режим содержания на баржах был ужасный. Каждый буржуй, который мог кормиться из дому, должен был кормить пятерых несостоятельных арестантов, а каждый офицер троих. У многих не оказалось средств на такие расходы: тогда арестованный лишался возможности питаться совершенно и приговаривался к голодной смерти. У катера, который отвозил им пищу, каждый день были душу раздирающие сцены. Приезжающие за пищей глумились, опрокидывали тарелки, выкидывали содержимое, ругали площадной бранью женщин и детей. Но самым ужасным зрелищем было зрелище перевода с баржи заключенного в тюрьму. Это означало...

Утренний расстрел.

Вот в каких условиях жизни царицынцы ожидали в августе месяце своего освобождения.

Увы, это освобождение не пришло...

Очевидцы, удравшие из самой пасти управления большевиками Царицына, рассказывают, что в ночь с 17 на 18 августа н. ст. паника среди большевистского управления войсками достигла высшего напряжения. По бывшему штабу округа, ставшему штабом Сталина, Минина и Ворошилова, бегали растерянные «красные», стратеги кто с чем. Никто не знал, что предпринять. Минин был за эвакуацию и сдачу Царицына. Только Сталин еще крепился и надеялся на агитацию в рядах наступающих казаков. Но тем не менее все было погружено на пароходы и в каждый данный момент все те, кто разграбил, разорил и будет продолжать свое злое дело разрушения нашей родины, собирались улизнуть от правосудия.

Сталин крепко надеялся на агитацию. Он частенько поговаривал в спорах о военном искусстве: «Это все хорошо, что все говорят о необходимости военного искусства, но если у самого талантливого полководца в мире не будет сознательного и подготовленного правильной агитацией солдата, то, поверьте, он ничего не сможет сделать с самым ничтожным по количеству, но воодушевленным революционером».

И Сталин, согласно своему убеждению, не жалел никаких средств на пропаганду, на издание газет, на их распространение, на посылку агитаторов...

Наступление казаков кончилось... Рабочие грузолеса, воодушевленные агитаторами, выступили на фронт, и... многострадальный «красный» Царицын еще до сих пор продолжает сохранять это печальное название...

Н. ВАЛЕНТИНОВ (Н. В. ВОЛЬСКИЙ)

Начальник Царицынского фронта

<Из книги «НЭП и кризис партии»>

Значение военных специалистов Троцкий понимал и признавал, конечно, не менее Ленина и на посту главнокомандующего Красной Армией действительно сделал все, чтобы привлечь для формирования новой армии опытных специалистов царской ар-